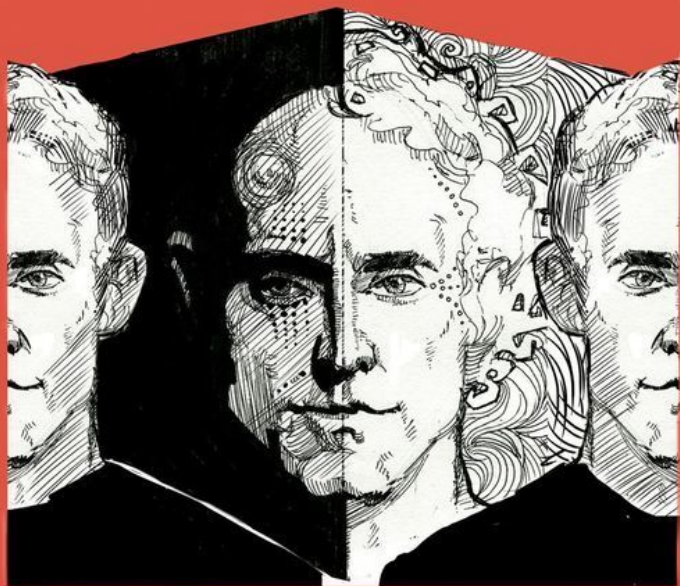


Алексей Лукшин

Убей в себе дьявола



Алексей Лукшин

Убей в себе дьявола

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12271918

ISBN 9785447430634

Аннотация

Книга о друзьях, в которой отношения людей открываются через призму окружающих их предметов. Где каждый играет в свою игру, удобную только ему.

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	18
Глава III	26
Глава IV	27
Глава V	32
Глава VI	34
Глава VII	49
Глава VIII	59
Глава IX	61
Глава X	64
Глава XI	67
Глава XII	69
Глава XIII	71
Глава XIV	73
Глава XV	76
Глава XVI	78
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Убей в себе дьявола

Алексей Лукшин

© Алексей Лукшин, 2016

© Галина Крылова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4474-3063-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Глава I

Чистый, прозрачный после дождя воздух, как увеличительное стекло, выдавливал два новых здания на середине улицы. Около этих зданий, в ярком свете солнца, на фоне старых городских домов, сияла искусственная чистота.

Ровный гладкий асфальт, зелёные проплешины на взбухшей земле газона, вздувшиеся почки немногих деревьев создавали иллюзию прекрасного мира.

Поодаль узкие вонючие улочки разбегались своими кривыми коридорами между старыми покосившимися домами.

На огромной территории, огороженной забором из металлических прутьев, ровными рядами припарковались с десятков машин.

Открылся шлагбаум, и под ним на площадку въехал дорогой автомобиль. Тихо двигаясь, водитель искал, где припарковаться.

Когда водитель выбрал свободное место, автомобиль слегка ускорился и двинулся уверенней, но тут же затормозил. Место было занято стаей расхаживающих по парковке голубей.

Голуби вперевалку ходили, встряхивали головами и вытя-

гивали сизые шеи. Сквозь беззвучный шелест автомобильного мотора, если поднапрячь слух, можно было услышать, как громко стучат птицы своими клювами по асфальту, собирая разные песчинки.

Автомобиль медленно приближался, но птицы не хотели его замечать и мерно разгуливали. Попеременно они вздрагивали, изгибали шеи, не боясь свернуть себе голову.

Железный монстр подъехал вплотную к голубям. Вместо того, чтобы привычно улететь, они лишь нехотя, то один, то другой подпрыгивали и, взмахнув крылами, отступали, уступив натиску непонятого для них существа, не выказывая ни малейшего страха или боязни.

Машина остановилась. Из неё вышел Семён Светлов. Он встал и посмотрел на переместившихся всего на один метр птиц. По очереди переводил взгляд с одной птицы на другую, пока не оглядел всех.

Птицам не помешало соседство автомобиля, так же равнодушно они отнеслись и к нему, человеку, удостоившему их своим вниманием. Они продолжали мирно клевать и тихо поцокивать коготками по асфальту.

В окне второго этажа, в кабинета Семёна, вырисовывался неподвижный силуэт человека, скрестившего на груди руки, который, видимо, тоже рассматривал голубей. Его заворожила эта картина.

Порой взор некоторых наблюдателей невольно приковывает вода или огонь. Так и его взгляд притягивали голуби.

«Стальные нервы, а может, самая непосредственная глупость», – подумал он про птиц.

У него за спиной, в кабинете, стояла сплошная стена табачной дымки. Время от времени сквозняк из открытой форточки шевелил уже не голубое, а мутновато-серое нависшее облако. Спёртый воздух, как призрак, выделявал кренделя, шевелился.

В кабинете кто где сидели несколько человек.

Один из них – краснолицый и упитанный – Алексей Рязанцев. Его налитые щёки, словно половинки спелых томатов, готовые в любой момент лопнуть, ярко горели. Они чем-то напоминали титечки маленькой девушки, выставяющей свои прелести напоказ для подтверждения их присутствия и зрелости.

Когда-то он, бывший компаньон, состоял в одном деле с Семёном. Разногласия, связанные с желанием свободы Рязанцева, увели их от совместного сотрудничества. Необходимость руководства совместными действиями, по соображениям Семёна, являлась потребностью рынка, и нужно было работать не как раньше, по старинке.

Ныне продолжавший работать бок о бок Рязанцев являлся одним из мелких поставщиков работавших у Семёна. В остальном же отношения оставались прежними.

Офис Рязанцева находился в соседнем кабинете. На правах старого друга, долгих отношений и многолетней дружбы

Семён с него не брал арендной платы за пользование помещением.

Впрочем, и в работе ничего сильно не изменилось, кроме того, что ушла зависимость и подчинённость первого и пришла ответственность и обязательность второго.

Никаких «завтра» по возврату денег Рязанцев, будучи мелким поставщиком, для Семёна не предполагал, как это бывало раньше. Желает дешевле – деньги вперёд. Друзей вполне устраивали сложившиеся взаимоотношения. Теперь они шуточно называли их рабочими моментами.

Тарас, рыжий и коренастый очкарик, на сегодняшний день был компаньоном Семёна. В компании ему принадлежали тридцать процентов акций.

В руководство компанией он не лез, а лишь чётко, как умелый исполнитель, выполнял поставленную задачу. Никаких интриг, закулисных обсуждений Тарас себе не позволял, скорее пресекал всякую возможность обойти шефа с чьей бы то ни было стороны. Ни в какие заговоры со стороны конкурентов не лез, на чужие предложения не покупался. Он хорошо знал дело и, по всей вероятности, считал себя на редкость довольным жизнью человеком, дружелюбно настроенным ко всему вокруг.

Крупная, массивная челюсть и тонкие губы во время серьёзных разговоров играли определённую роль, придавая ему властный вид, что порой, требовалось в отстаивании общих интересов компании.

Сейчас он просматривал документы, выстукивал карандашом по столу мелодию, иногда вкрапляя меткую фразу своим чётким выговором в общую беседу.

Эдик Светлов, младший родной брат Семёна. Светловосый и голубоглазый модник. Без вкуса и чёткого понимания краёв дозволенного и недозволенного, чем-то напоминающий Муху-цокотуху из известной сказки.

Его искусственность в поведении воспринималась уже не как порок, а лишь как чрезмерная приветливость и желание угодить даже без повода, если только это не касалось посторонних людей. С ними он менялся до неузнаваемости. Но как любой человек низкого пошиба, он был составлен из мелочей, что и составляло его суть. По признанию деловых людей, подобные вещи быстро распознаются и отвергаются вместе с их обладателем.

По настоянию родителей самоуверенный и бездарный разгильдяй работал в компании брата.

Семён, не споривший с родителями, после долгих уговоров пошёл на уступку в этом вопросе. Взял он на работу и отца-пенсионера, назначив его хоть и маленьким, но директором, который воровал по мелочам на своём же складе, но имел лицо человека высшей порядочности. Зато он мог работать с утра до вечера. Вероятно, что был в этом для него какой-то вполне понятный резон.

Пока на работе в офисе не появился брат, Эдик восседал в большом кресле главы компании, как бы примеряя своё те-

ло с конечностями к той обстановке, которую ему уготовило сиюминутное положение.

Возле окна, как старый холостяк, горевал стул. Возле него стоял Андрей Философ, прозванный так за глаза. Вслух его так не называли. Хотя изредка пользовались для уточнения. «Какой Андрюха?» – «А, Философ!»

Андрей Филосов был закадычным другом детства Семёна Светлова. Ранее судимый, но никогда и никому не рассказывающий об этом. Сейчас он стоял спиной ко всем и смотрел в окно.

К компании, как и к бизнесу, он никоим образом не относился. Кредо этого на вид успешного человека (хотя на самом деле истинное его положение оставалось загадкой) – любая работа, лишь бы не работать. И он с этой задачей справлялся успешно.

В этот самый момент все внимательно, с улыбками развалившись на своих стульях, слушали историю Рязанцева о том как он в составе профессионального коллектива выступал в Греции на Международном фестивале народного танца, на котором собралось около сорока коллективов из разных стран Европы.

– Туристы с острова Левкада и с ближайших окраин стекались вечерами на зрелище, разнообразя собственный отдых созерцанием привлекательных участниц многочисленных коллективах из разных стран.

А ближе к полуночи все участники и участницы, так же,

как и все, вытекали на променады вдоль моря и так же шлепались из одного переполненного клуба в другой, сливаясь с местными жителями. Но иногда они одевались в национальные костюмы и были радостно узнаваемы приезжими островитянами.

Рязанцев расположился ко всем слушателям лицом и старательно делился воспоминаниями словно на сцене Театра одного актёра.

– Фестиваль, – словно включил он слушающих вступительным словом и замолчал, представляя в уме ту самую минуту, о которой собирался рассказать. – Вечерние сумерки. Площадь заполнена людьми. Софиты ярче солнца. За кулисами нависло то самое напряжение, когда чувствуешь нутром, как воздух сотрясается от ожидания, от нервов – всё, выход. Следующий. Следующий. – Он закачал головой сожалея, демонстрируя упадок сил. – А мы, – набрал он воздуха в рот, – так напились ночью, – громко, чуть ли не со свистом, выдохнул фразу, – плавно перешли в утро, похмелились, дотянули до обеда и, – он закрыл глаза, словно поставил точку той пьянке, – только после этого легли спать.

Как и положено рассказчику, он приостановил свой рассказ, чтобы сосредоточиться.

– Через несколько часов вставать на концерт, – как заправский актёр, он сделал испуганное лицо, – а у меня словно кости от мяса отделились. Печень, почки, селезёнка, как холодец-дрожалка, внутри меня сотрясаются. Работают сами

по себе, в автономном режиме. Как заправский водитель скажу: двигатель троит.

Разыгрывал или так получилось, но создалось впечатление, что он побледнел.

– Я как подумаю о танцах, меня в пот бросает. А на сцену выходить надо. Моё выступление же никто не отменит. Всё, думаю, пропало. И вот наш выход. Все разминаются, начинают к кулисам ближе сходитьсь. Стою ни жив ни мёртв. Удары сердца считаю. – Рязанцев приложил руку к груди. Рука волнительно вздрагивала, словно она действительно резонировала от сердечных ударов. – Тук, – его рука вздрогнула. – Жду следующего. Тук-тук, – комментировал он. – Волосы дыбом. Сознанием понимаю: умру. Умру на сцене, а ведь не хочу. – Лицо рассказчика приобрело мученическое выражение. – Цепляюсь за жизнь, – он замер на миг. – Всё, слышу, нас объявляют. Только и понял отчётливо из того: «Ансамбль народного танца „Калинка“». Да ещё «Россия».

Оглядевшись, Рязанцев сделал такое лицо, словно он что-то выискивал. Ни у кого не возникало сомнений, что он пересказывает историю правдиво, в той последовательности, как он и переживал её.

– Смотрю, передо мной со сцены объявитель вышел, в руках – плакат на тонкой палке. Небольшой такой. И надпись: Russia. Я все силы собрал и к нему: спаситель мой, иди-ка сюда, да-да подойди, – пальчиком его подманиваю.

Указательный палец по-свидетельски повторил то же са-

мое движение.

– Он не поймёт. – Вытаращил глаза на мой палец. – А мне то что. Я у него из рук хватать плакатик. И говорю ему: – Всё иди, иди. Разберёмся. Потом тебе отдам. Станцуем только.

Вышли на сцену, а я краешком, краешком, да и в сторону. Встал на сцене, с краешка, перед зрителями. Истекаю потом. Сырой, хоть выжимай. Перед собой плакатик выставил, лицо кирпичом сделал, никого не слышу, не вижу, знать не хочу. В безоблачное греческое небо закатное впёрся и думаю: «Пусть что хотят делают, не сойду с места».

А мне так потихоньку из группы покрикивают, зывают к совести. Наглецом назвали. А всё равно, хороводы водить, гурьбой скакать – пожалуйста без меня. Я сделал всё возможное. И за жизнь уцепился. Я потом ни с одним из нашей группы двое суток не разговаривал. Как тяжело мне было!

Послышался вздох человека, изнемогавшего от тяжёлого похмелья. Рязанцев воспроизвёл его так, что никаких сомнений быть не могло: настолько глубоко он его запомнил и повторил.

Стоявший у окна Андрей Философ, наблюдавший картину с голубями, повернулся в пол-оборота и вклинился в рассказ, не обращая ни на кого внимания и перебивая:

– Хорошего человека сразу видно! Его, можно сказать, чувствуешь. Так природа устроена.

Все перевели взгляд на него. Он же сказав это, как будто отстранился от них.

«К чему бы это!» – промелькнула у всех присутствующих мысль.

Андрей отошёл от окна, налил в чашку кипятка из кулера, бросил в него пакетик чая. Медленно помешивая сахар, обратился к Эдику Светлову:

– Не засиживайся. Вот главное твоё достоинство на сегодняшний день. Тогда и будущее разглядишь, и развитие получишь.

Тарас поднял глаза и согласно кивнул. Он перелистнул страницу в бумажной папке и добавил:

– Кто понял жизнь, тот не торопится, – и заулыбался, взглянув на Андрея. Сказанная фраза принадлежала тому. И они об этом знали. Но как умело и своевременно Тарас воспользовался ею. Его глаза блеснули хитро, заговорщицки.

Эдик Светлов, самый молодой из присутствующих, прилежно дослушал. Возражать он не стал. Лишь сунул тонкую сигарету «Вирджинию Слимз» в рот и вытянул губы, чтобы прикурить. Имея меньше опыта, чем остальные, но желая идти в ногу с товарищами, Эдик сказал, придавая разговору некоторую деловитость:

– Всё же удача должна быть. Без неё никуда. Везенье, удача и фарт, как хочешь назови, есть обязательное условие успеха. Андрюх, ты как считаешь? – он повернулся к Андрею, чтобы адресовать ему свой вопрос, как бы ища поддержки. – Ведь в жизни каждого человека хоть раз, но шанс

даётся, – он сделал паузу. – Вот понять его, разглядеть этот шанс – самое трудное. Без ума тут не обойтись.

Он сказал это таким тоном, что словно ум, который он имеет в виду, у него-то как раз имелся.

В последовавшем молчании Эдик медленно дунул струёй дыма из вытянутых губ, считая, что фраза ему удалась. Теперь он ждал, как задумчивый шахматист, что ответит Андрей.

Тот не торопился с ответом, но, обведя всех по очереди взглядом, увидел физиономии, находящиеся в некоем ожидании. И тогда он принялся обдумывать сказанные Эдиком слова с таким видом, словно знает цену своим размышлениям не хуже остальных.

– Да, без сомнения, – начал Андрей, – удача должна быть. Но тот редкий шанс, когда удача непременно снизойдёт, всё-таки даётся тому, кто использует большее количество попыток в своём ремесле, предпринимает шаги к действию. Чем больше попыток, тем чаще неудачи. С ними приобретается опыт. А везенье – это всё-таки фактор. Наверное, удел энергичных людей. Или с первой попытки, или с десятой. Только хватит ли сил и терпения до неё? До десятой!

В коридоре слышались шаги. Под чьими-то ногами закрипел ламинированный пол.

Андрей Философ подошёл к Эдику Светлову и, потрепав, несильно надавил на плечо.

– Мух не ловишь, не будет тебе везенья.

С этими словами в кабинет, поскрипывая паркетом, вошёл, прихрамывая на ногу, Семён Светлов.

Он выглядел активным и свежим. По очереди поздоровался со всеми. Наступило оживление, словно на раскалённую каменку плеснули ковш воды. Возможно, из-за того, что всем пришлось приподняться и поприветствовать друга.

Эдик Светлов в волнении подорвался с места, которое принадлежало боссу.

Увидев единственный стул, Эдик сдвинул его в сторону и бережно уселся на краешек, выпрямив спину. Неловкость заиграла на его лице чем-то девичьим, покусившимся на взрослое.

Удивлённый Тарас, сухо и деловито указывая на хромоту, спросил:

– Что хромаешь?

Все замолчали, чтобы потом не переспрашивать. Семён уселся поудобнее в нагретое братом кресло, отрегулировал его, показывая всем своим видом недовольство тем, что приходится тратить время на такой пустяк по чужой вине. Создавшаяся пауза послужила дополнительным аргументом, которым он и воспользовался в это мгновение.

– В футбол играл, – сказал он спокойно, но, все-таки сожалея о случившемся, добавил: – Опять мениск. С армии меня мучает. Никак не соберусь к хирургу. Всё, в последний раз. Надо вырезать.

Он посмотрел на Андрея Философа, пытаясь убедить его

в своей решимости. Мол, не вру! Действительно в последний раз.

Глава II

Прошло немного времени. Семён настраивался на рабочий лад. После выходного дня он притрагивался к предметам на столе. Поправлял их, сдвигал, хотя и ставил вроде в то же самое положение. Скорее это было ритуальное и привычное действие хозяина. Наконец он закончил, после чего негромко сказал, убедившись, что его слушают:

– Зачем я просил всех собраться? – Он посмотрел на каждого. – Произошёл инцидент. Сейчас расскажу, вот только мысли настрою на работу.

Он выложил из портфеля толстую папку и ещё пару ненужных в данный момент предметов. Снова поперекладывал что-то на столе. Поводил по нему руками, подвигал локтями. Видно, для того, чтобы успокоиться. Продолжил:

– Через полчаса Жора Казино подъедет.

Он протянул руку за чашкой, чтобы налить себе чаю. Эдик Светлов, заметив неуклюжие движения брата, догадался и подскочил, сделав подобострастное лицо.

– Сиди, сиди, я сделаю. Сколько сахара?

Семён Светлов, не обращая внимания на него ответил:

– Положи четыре.

Тарас, не дожидаясь, пока договорит Семён, подогнал ему свой вопрос:

– Сень, я не вижу ноутбуков. Куда делись? Ни моего, ни

твоего.

На что тот ему согласно ответил:

– Я по этому поводу и попросил собратиться, – недобрая гримаса искривила его лицо. – Мы здесь все знаем друг друга. Жора же, которого между нами зовём Казино, вчера вечером пришёл, снял с охраны здание, зашёл в кабинет и взял ноутбуки, из салона красоты вынес телевизор. Позвонил мне поздно вечером, рассказал об этом, мотивируя свой поступок тем, что взял вещи вместо не выданной ему зарплаты, – он остановил свою речь, размышляя, все ли важное по существу он изложил. Обдумав, что все существенное сказано, добавил: – Через полчаса Жора приедет объясниться.

Вызванное словами Семёна, Тарас в недоумении прорезал искусственное затишье:

– Стоп! А мой зачем взял, если у него претензии к тебе?

Он вопрошающе посмотрел на Семёна Светлова. И, как бы открешиваясь от общей проблемы (на пацанском языке, включил бычку), запричитал:

– Я недоволен его поступком. Мне по барабану, что он думает. Также наплевать на всё, что он скажет. Я не принимаю никаких объяснений. У этого человека, для меня постороннего, есть ключ от здания и от офиса в частности. Ему оказано доверие без моего согласия.

Тут же он вспомнил он все мелкие детали тех событий.

– Сем, ты с ним на дружеской ноге. Я на веру, от тебя, – он сделал ударение на этих словах, – принял условия его по-

рядочности.

Он глядел куда-то в потолок и говорил так, словно у него накипело и вот представился случай высказаться. Высказаться заслуженно.

– Если у него что-то произошло, меня это не должно касаться. Увы! Он свалил свою несостоятельность в кучу перед нами, чтобы мы её разгребали. Если Жора задумал при решении своих проблем всполошить всё вокруг, чтобы обратить на себя внимание, то зря. Его ребяческий проступок смердит. И зловоние попахивает преступным умыслом. Не иначе. На языке жизни – он крыса.

Тарас так торопился, что даже захлёбывался, настолько спешил он высказать наиболее, созревшее так быстро.

Семён Светлов поспешил его остановить:

– Тарас, подожди! Сейчас он придёт, и всё ему скажешь.

Тарас, неодобрительно ухмыльнувшись возразил:

– Больше всего не хочу с ним вступать в диалог, с этим моральным уродом! Лёх, Рязанцев! – обратился он к Рязанцеву. – Ты его давно знаешь. Он что, оборзел? От хорошего отношения к себе.

С этими словами Тарас повернулся к нему. Его нижняя губа тряслась от волнения.

Рязанцев не торопился. Давние отношения с упомянутым Жорой заставляли его проявлять сдержанность в высказываниях.

– Нет, так, конечно, нельзя, – начал он потихоньку. –

Он перепутал вход с выходом. Не по-приятельски, точно, – но тут же изменил тон: – Но понять его можно. Проигрался он в тотализатор. Пришёл домой. Нашёл женой спрятанные дома золотые украшения, по-быстрому снёс их в ломбард. Жена вскоре вернулась и обнаружила пропажу. Истерику закатила. Жора признался и указал ей, куда снёс безделушки. Она побежала в ломбард, скандал устроила. Вызвала милицию. Там до вечера была разбораловка.

Тут вставил словцо внимательно слушавший Андрей Философ:

– И чем закончилось? Вернули?

По инерции Рязанцев договаривал:

– Под расписку. Ломбард у нас во дворе, все знакомы между собой.

Развалившись на стуле, Андрей удивлённо усмехнулся:

– Повезло!

По всей видимости, Рязанцев сочувствовал и переживал о человеке о котором рассказывал, пытаясь таким образом вызвать понимание у слушателей.

– В казино не пускают. Везде, где можно, задолжал. На игровые аппаратики потом присел, – Рязанцев перечислял, видно, для того, чтобы смягчить отношение к знакомому или другу. В такой ситуации уже не слишком хотелось назвать того своим другом. – Жена взвыла. Вещи подтаскивать стал. Никто не знает об этой его страсти. Жена втайне всё происходящее хранит, от знакомых, от родных, уж от соседей

и подавно. Она всех предупредила: в долг у кого Жора берёт, у знакомых занимает – чтобы сразу к ней. Она возвращает. Она врач, известный специалист. Зарплата, видимо, достойная. Но в последнее время её счрон опустел. Выпотрошил он её безжалостно. Кредиты за него гасила. А тут, когда золото, видать, последнее запрятанное вытащил, кольца обручальные, не выдержала.

Чутко вслушиваясь в историю, Андрей Философ о чём-то вспоминал.

– По нему не скажешь, что так болен. На вид – без странностей. Речь последовательная, – было непонятно, смеётся или серьёзно говорит Андрей, потому как в тоне его звучала некая звуковая имитация из комического произведения. – Что касается денег, у меня не спрашивал, да я займы и не даю. После того, как Шекспира прочёл. По-гамлетовски поступаю, – он засмеялся. – Тяжёлый случай.

Тут же Рязанцев переключился, ему надоело выклянчивать у друзей понимание, и он обрадовался возможности отклониться от возбуждающей темы.

– Послушай, – перебил Рязанцев, – мне же давал, да ещё некоторых знаю, кому не отказывал деньгами, – он утверждающе оглядел окружающих. – Андрей, не прибедняйся. О тебе втихомолку молвят, что у тебя можно деньгами перебиться.

Шутливым тоном Андрей Философ ответил, пытаясь говорить назидательно:

– Каждый раз, давая займы, я прощаюсь с деньгами. Когда у меня просят в долг определённую сумму, я всегда взвешиваю: жалко ли мне отдать эту сумму именно этому человеку навсегда, чтобы уже никогда ему не давать. Ох! Секрет перед вами сейчас открываю.

После этих слов не выдержал Тарас:

– Хорошая перспектива. И задача! Сколько я готов дать денег, чтобы вычеркнуть человека из своей жизни.

Андрей расстроено и задумчиво сказал:

– Почему же! – и другим тоном, уже оптимистично: – В таких историях всегда один прекрасный конец. Какой герой, каков его замысел, да-да, такой и конец! Когда возвращают деньги, всегда создаётся ощущение, что я их нашёл на дороге. Шёл, шёл и нашёл. Или в лотерею выиграл. В общем, возврат денег – всегда приятная неожиданность. А когда понимаешь, что возвращены твои деньги, с которыми распрощался, то испытываешь двойную радость. И человек вдвойне ближе становится. Вот уж проверка на вшивость. Но зачастую люди хотят одолжить сумму большую, чем я мог бы им подарить.

Поняв, что Андрей закончил, Тарас приземлённо вернулся к своим баранам:

– Может, Жора и нас отправит в ломбард? Выкупать наши вещи. Я не в восторге. Но надо поскорее решить. В компьютере много разной информация, восстановить всё со временем можно. Но вот так, из-за паршивца... Я сегодня уже

не смог с людьми связаться. Из Литвы, из Калининграда. Словно выпал с поверхности жизни в осадок. Люди обзвонились, не поймут, почему я ничего не знаю. Почту не смотрел. Скайп вырублен. Моя пунктуальность захромала, как Семён сегодня, – он также постарался перевести беседу в шуточное направление.

– Тарас, не кипятись, – успокоил его Семён Светлов. – Думаю, всё решится. Давай дождёмся. Андрюх, в общем из-за него и просил тебя приехать. Жора Казино тебя считает справедливым. Я ему пообещал, что приглашу тебя обязательно. После этого он согласился приехать на разговор.

– Удивительный чудак, – удивился Андрей Философ. – Тогда он должен меня считать не справедливым, а мягким и добрым. Святошей без памяти. Семён! А что с ногой?

– О, отлично. Напомнил, – Семён взял мобильник и набрал номер.

– Ирин, привет! А, ты здесь. Хорошо, сейчас спущусь, – он аккуратно встал и прихрамывая вышел.

На первом этаже здания располагались салон красоты и стоматологическая клиника. Салоном красоты управляла Маша Светлова, жена Семёна, до этого всю жизнь просидевшая дома. Второй половиной, в которой располагалась стоматологическая клиника, руководила Ирина, жена Дениса, армейского приятеля Семёна Светлова. По обоюдному согласию они как бы вложились совместно. Семён предоставил помещение, а его друг Денис с женой закупили всё

необходимое для стоматологической практики. Денис по основному месту работы занимал должность главного врача в городской больнице в хирургическом отделении.

Глава III

Постучавшись, Семён зашёл в кабинет Ирины.

– Да, слушаю вас, – не глядя спросила вошедшего Ирина.

Она сосредоточенно просматривала бумаги стремительным, пронизывающим взглядом. Минимум косметики, тонкие губы на гладком, словно каменном лице, без складок, образующихся часто как следствие эмоциональных проявлений.

Семён Светлов стоял и рассматривал, как она внимательно что-то изучала и записывала.

– Ещё раз доброе утро.

Услышав знакомый голос, Ирина подняла глаза. На лице, словно со дна могучего, но спокойного в эту минуту океана появилась улыбка. Хотя она и была красивая, но плавала, словно нефтяное пятно, на ровной поверхности.

– Здравствуй, Семён. Что с ногой? – сразу подметила она.

– Вот именно. Из-за неё, – подтвердил Семён, – до Дениса дозвониться не могу. Мобильный выключен.

– Может, занят, – она оторвалась от своего дела. – Операция или обход. Он обычно выключает телефон. Я ему на рабочий перезвоню или коллегам передам. Как только освободится – перезвонит. Привычное дело.

Семён не стал задерживаться.

– Хорошо. Пока.

Глава IV

В кабинете, где собрались друзья, стояла тишина. Каждый думал о своём. По времени должен был прийти Жора Казино.

Послышались шаги. Жора вошёл с деланным деловитым выражением. Обходя всех и пожимая всем по очереди руку, он произносил имена с гонором, отчётливо, создавая тем дистанцию в отношениях, подчёркивая сухостью фразы, что говорить намерен официальным. Поздоровавшись, Жора Казино из кабинета крикнул в коридор, чтобы было слышно в холле:

– Майя, принеси стул.

В голосе проскользнули звонкие дребезжащие горловые нотки, что выдало сильное внутреннее напряжение и волнение. Это напоминало чем-то истеричную натуру.

Жора постоял. Прошла минута. Ещё одна. Состояние нелепого положения Жоры становилось очевидным. Тишина. Все молча ждали. Жора снова подошёл к двери и крикнул повторно, но уже со злостью:

– Май, ты что, не слышишь? Стул принеси.

Повторилось то же самое. Момент истины настал – пора смеяться, коичность ситуации созрела.

Жора, раздувая ноздри, вышел из кабинета прояснить сложившееся недоразумение.

Ребята, оставшись без виновника, улыбнулись, но старались сдерживать смех, сохраняя серьёзность для предстоящего разговора. Из глубины холла, из коридора, отчётливо бы слышный разговор.

– Май, ты что, не слышала, я просил стул принести.

– Зашибись! – парировала Майя. – Жор, ты спятил? С таким же успехом ты мог бы у водителя маршрутки попроситься переночевать.

– Ты мне зубы не заговаривай, – нажимал на неё Жора. – Трудно, что ли? Я же нормально попросил.

– Я не секретарша.

В кабинете внимательно слушали, как реактивно Майя отбивала выпады Жоры.

– Ты об этом знаешь.

Жора сдался, не зная, что сказать.

– Я, – проканючил он, – по-человечески. Нормально. Попросил. Чего ещё надо?

Майя точно залезла на гору.

– Ты с женой в магазин ходишь за продуктами? Тоже прошишь её сумки донести? И вообще! Не видишь – стульев нет.

Андрей Философ обвёл всех взглядом.

– Как нет стульев? А куда они делись?

Он снова обвёл всех взглядом.

У всех был отрешённый вид, словно никто ничего не знал. Андрей осматривал поочередно присутствующих. Лицо Семёна Светлова ничем не отличалось от лица Рязанцева или

Эдика Светлова. Когда Андрей посмотрел на Тараса, тот недоумённо, вкрадчиво пожал плечами. Немного склонив голову, произнёс:

– Чтоб не казалось, что он в раю. С этой минуты он выпал из нашей лодки. И поплыл против течения.

Теперь Андрей Философ догадался.

– Да нет! Наоборот, он давно плывёт по течению, изображает из себя пловца или туриста. Но с берега не видно. А ведь если присмотреться: утопленник. Брошенный и никому не нужный утопленник, – он выдержал паузу. – И всё-таки, стулья убрали от него специально?

Ему не успели ответить. Снова послышались шаги. Вошёл Жора, что-то негромко бубнивший. В кабинете он заговорил громче, чтобы все слышали:

– Соска. Голодными зенками смотрит на всех мужиков. Знает, что я без денег, вот и разговаривает так со мной. Ей в голову дать бы, – он с вождением цыкнул.

Андрей Философ сдержал его нападки и заметил:

– Жор, ты разгорелся, как бикфордов шнур. Насколько я знаю, там её рабочее место, и она никакого отношения не имеет ни к одному из нас.

Тот попытался оправдаться за слова сказанные минуту назад.

– Андрюх, я с ней нормально. Её похоже, – он указал на сидящих вокруг, – эти подговорили. – Он заговорщически подтрунил над всеми, как бы объединяя свои замыслы

с Андреем заодно.

– Они тебе рассказали?

Не показывая вида, Андрей Философ спросил:

– Не знаю. Смотря о чём.

Тут же Жора подправил:

– В угол загнали.

– Кто?

Жора ткнул пальцем на Семёна Светлова.

– Вот он.

После этого не замедлил вставить своё замечание Тарас:

– Жор, пока не забыли. Ключи от офиса положи на стол.

Жора как будто ожидал такую просьбу. Достал из кармана связку, положил со стуком на стол и добавил:

– Ключи, да на хрена мне эти ключи нужны. Это для вас они значат что-то. Давай поговорим. Вы все свидетели. У меня к нему есть пара вопросов.

Он снова показал на Семёна Светлова.

– Большого наглеца я в жизни не встречал. Как лоха меня развёл. Порядочным прикидывался, предложил мне в бизнесе поучаствовать, а как бабло пошло – решил съехать. Я ему, как старшему брату, доверял.

Голос его дрожал, волнение и любопытство возросло у всех слушателей.

– Он моё я человеческое растоптал. Попрал святое. Две вещи в нашей жизни есть, которые неискупимым грехом считаются. Ты хоть понимаешь, что ты сделал? – он обратил-

ся к Семёну. – Ты хоть понимаешь?

Семён Светлов посмотрел на него:

– Ты о чём, Жора?

Удивлённое выражение на лице Семёна сменилось идиотским выражением. Обескураженный, он приоткрыл рот, но глаза выдавали непонятный отблеск догадки, хотя он и боялся её показать, всё-таки считая, что всякое может быть. Где же он так подвёл его?

Жора продолжал речь, похоже вступив в борьбу с самим собой за приз слушательских симпатий.

– Две вещи, о которых я говорю, – это любовь и дружба. Любовь, это женщин касается. Здесь это ни при чём. Ты, – он сделал ударение и кинул осуждающий взгляд на Семёна Светлова, – перечеркнул все нити дружбы. Ты, как паук, затянул меня в свои сети. Я жене рассказал, какой ты человек! Всё! О твоих предложениях. Наконец-то у меня просвет в жизни появился. Что же я плохого тебе сделал? За что ты со мной так? Ну за что?

Жора захлёбывался, слова повторялись, на его глазах появились слёзы.

– Мне что, посторонних людей привлекать, чтобы разобраться?

Андрей Философ встрепенулся:

– Нет! Это хорошо, что ты сюда пришёл.

Андрея выходка Жоры ошарашила:

– Да. И по-другому нельзя.

Глава V

Жора повернулся к Андрею.

– Я почему сразу согласился? Если ты присутствовать будешь, то я обязательно хочу, чтобы все слышали.

Андрей одобрительно кивнул.

– Я сколько раз пытался до тебя донести!

Он снова встал перед Семёном.

– Но ты меня не слышал. Да и не хотел слышать. Не велика потеря. Какой-то Жора.

Перебивая его, Семён Светлов попытался встрять в то-ропливый спич:

– Послушай, Жора. Ты о чём говоришь? Я тебя не понимаю. А вокруг кто слушает – тем более не разберут, что ты несёшь. Какие предложения? Что я тебе предложил? Очнись.

Жора задал ему вопрос:

– Семён, у тебя есть деньги? У тебя дети сытые?

Семён Светлов пожал плечами:

– Причём тут мои дети? Что тебе до моих детей, до денег? До моих денег?

Жора воодушевился, как лиса, словно поймал его на слове.

– Ага. Сразу до моих. А до моих детей, до моих денег тебе дела нет. Да! Ты богатый! У тебя бизнес. Здесь доля. Там

доля. Понемножку из разных мест денежки текут. А у меня нет. Так зачем ты обещал? Зачем ты меня в бизнес затянул?

– Какой ты бизнесмен? – злился Семён. – Ты неудачник. И уж точно я тебя, лентяя, никуда не затягивал. Это бред. В твоём воображении произошёл взрыв. Тебя контузило.

Семён постучал по столу.

– Двадцать первый век на улице. Ты понимаешь? Двадцатый прошёл, закончился. А ты остался в нём. Ты забыл. И остался в нём. А твоя плоть с нами. И блуждает. А сейчас она вдобавок и говорит. И всплыли ужасные вещи, о которых никто не догадывается. Между тем, что ты сказал, и тем, что происходит в реальности, всякая связь отсутствует.

На лицах – смятенье. Все скучали и ждали объяснений. За брехнёй и пустословием могли скрываться любопытные факты.

Андрей Философ шёпотом про себя произнёс:

– Интрига – прикормка алчущих зла. Пушкин, кажется. Или не Пушкин. Всё может только повторяться.

Глава VI

Волнуясь, Жора искал, куда присесть или облокотиться. Минута замешательства. Он полез в карман и достал тетрадный листок. Взглянул, сверяясь, не забыл ли чего. Как бы оправдываясь, но всё-таки имея на руках доказательства, положил на стол перед Семёном Светловым.

Тот в свою очередь смотрел на него, стараясь понять. Потом взглянул на него.

– Что это?

– Список людей, с которыми ты встречался. По нашей договорённости ты должен за каждого деньги. Сумму я указал. Семён мягко уклонялся от оскорблений в адрес Жоры.

– Ты болен! Это бред.

Тарас протянул руку:

– Дай взгляну.

Он посмотрел и передал листок дальше. На нём каракулями, небрежным почерком, в столбик было написано: имя, во что одет и сумма цифрой 20000 со знаком вопроса. Потом следовала сумма десять тысяч.

После просмотра, общее недоумение возросло. Общая цифра составила двести двадцать тысяч. Плюс пятьдесят тысяч разделённых помесечно, по десять тысяч рублей. Было очевидно, что Семён Светлов что-то недоговаривает.

Вполне серьёзным, деловым тоном Семён Светлов сказал:

– Объясни свои записи.

Жора ожидал этого вопроса и продолжил:

– По нашей договорённости ты взял меня на работу директором, назначил зарплату десять тысяч, о чём в конце листа есть соответствующая запись. Исправно платил, но перестал. Так ты мне задолжал за пять месяцев.

Семён Светлов медленно, как бы обдумывая, сказал:

– Значит, я должен тебе платить. Но ведь хочу плачу, хочу не плачу. Это моя прихоть: помогать тебе или нет. А это что? Где ты взял двести тысяч рублей?

Расклад в Жоринском представлении последовал тут же.

– Люди в списке – твои поставщики. За каждого, по нашей опять же договорённости, ты должен двадцать тысяч рублей. Но я согласен на десять – пойду тебе на уступку.

Семёна разрывало, он чертил ручкой по чистому листу линии. По маленьким чёрточкам можно было догадаться, что в этот момент он вышел из себя.

– Не знаю, чем считать твою наглость и бесцеремонность. Больше нет слов.

Андрей Философ взял Жорин листок.

– Жор, подробней о деньгах расскажи. Похоже, твоя легенда не проста. Хотелось бы знать, как ты стал директором, какой фирмой ты своим чутьём руководишь.

Он обратился к остальным:

– Он что, правда, директор здесь?

Никто не возражал, и, судя по лицам, действительно оно

имело место.

– Жор, ты клоун, и здесь ты не директор, – перекрыл Жорины карты, как козырем, Семён, – а директор отдела продаж и связей, если быть точным. Формально. Хотя и на бумаге. Расскажи сначала. С той аварии под Питером.

– Авария при чём? – недовольно усмехнулся Жора.

– Так ты директором стал после неё, чтоб избежать тюрьмы и получить условный срок. В той истории много занимательных деталей.

Становилось всё интереснее. Любопытство разгоралось.

Жора смотрел в потолок не отрываясь. И туда же ответил:

– Та история не имеет отношения к делу. Семён, вот такой ты всегда. Плюсы зарабатываешь. Нет бы долг отдать, и дело с концом. Что, у тебя денег нет? Скажи, у тебя нет денег? Мои заработанные отдай. А потом можешь рассказывать, какой ты хороший. Ты хочешь уступку. Ладно. И это я предусмотрел. Знал, что ты о ней заговоришь, потому сделал пометку и вместо двадцати указал десять тысяч.

– Всё написанное – полная ерунда, – Семёна потихоньку успокаивался. – Ты верни вещи, взятые тобой. Я не хочу больше тебя видеть.

– Стоп! Как не хочешь видеть? – мигом закипел Жора, подбоченясь. – Я не слезу с тебя, приду с людьми. Они вытрясут из тебя деньги. Нет, ты чего-то не понимаешь. Ты денег должен мне, – он сжал кулаки, подтверждая таким образом намерения. – Не имея способа воздействия на тебя,

не нашёл ничего иного, как взять вещи. Нажать на тебя надо, вот и нажал. А то, что сейчас нормально с тобой говорю, это лишь благодаря Андрюхе. Хорошо, он согласился рассудить нас. Мы одинаково предпочитаем не вредить сложившимся за столько лет отношениям.

Вмешался Андрей Философ:

– Жор, так расскажешь?

Жора даже не посмотрел на него.

– Да зачем мне чего-то рассказывать? Я уж не помню. Мне это не так важно было.

Но Андрей Философ не отставал:

– Понятно. Но за всё время я ни разу тебя не видел при исполнении обязанностей. Странный ты директор. Потому и спрашиваю.

Жора думал, стоит ли ему участвовать в дальнейшем разговоре. Вместо него заговорил Семён Светлов:

– Год назад он погнал машину в Питер – решил заработать.

Высвободив кисть из-под подбородка, он направил указательный палец в сторону Жоры и удерживал так, припоминая.

– Сбил мужика и уехал. Через сотню километров его остановили. Дэпээсник сразу всё понял: так характерно выглядели все вмятины и разбитое стекло. Развернул его назад, чтобы он уладил всё на месте, а сотрудников, в чьё дежурство посты проехал, не подставлял. Он же того мужика в ле-

су бросил и решил укатить.

Припоминая историю, на секунду задумался и продолжил.

– В ту ночь Жора позвонил мне. Описал, что да как. Я ему пообещал денег, если понадобятся. На адвоката, да мало ли на что могут в такой ситуации потребоваться деньги.

В таких подробностях никто этой истории не знал. Все внимательно слушали.

– Уладили всё. Возместили родственникам материальные издержки. Старику было девяносто два года. Оказался пьяный. В половине третьего утра на магистраль, ограждённую забором, выскочил. Машина «Волга», на которой Жора ехал, сделана на заказ, в тюнинге, под клиента. Ему выплатили неустойку за разбитую машину да ещё уговорили такую машину забрать. Адвокату заплатили. Тот ещё пройдоха, грамотный. Постарался, чтобы Жору к условному сроку приговорили. Жоре необходимо было устроиться на работу с хорошей зарплатой, чтобы выплачивать компенсации всякие. Если куда требовались деньги – я ему давал.

Андрей Философ уточнил:

– Одолжил? Или что значит дал? Дать по-разному можно. Сколько денег-то?

– Андрюх, у человека беда. К тому же известный факт, у Жо... у не... у человека и гроша за душой нет. Разве поехал бы он за копейки перегонять эту «Волгу», за полторы тысячи вёрст.

Жора слушал, скосив голову набок. Верхняя губа насмешливо приподнялась.

Молчавший до сих пор Тарас добавил:

– Хорошее начало. Лиха беда беде придти, а пабедки с ног собьют, – и подчеркнул в дополнение: – Если бы не Сеня!

На него уставился Рязанцев.

– Это что такое?

– Вспомнилась поговорка старая.

Семён Светлов ответил Андрею Философу:

– Да не в деньгах дело.

– Уж точно.

Все странно улыбались.

– Легче стало? – глаза Жоры наполнились ядовитым смыслом. – Рассказал. Под сплав меня пускаешь. Я ведь, если можно так сказать, человека убил. Ты меня притыкаешь тем самым. Напоминаешь. Я с того дня места не нахожу. Тебе ли понять, что там происходит...

Он ткнул себя кулаком в грудь.

– Меня это обстоятельство в корне изменило. Другим человеком стал. Вся моя сущность наружу всплыла. Я теперь перед Богом как на ладони. И вера укрепилась. Только в людях разочаровываться с каждым днём всё больше начал.

Раздражённый Тарас, проговаривая каждое слово, в ответ на это Жорино ортодоксальное заявление сказал:

– О, как тебя понесло. Похоже, когда ночью вещи крал, вера твоя принципами поступилась. Может, спала твоя ве-

ра? Или задремала на время, пока ты разногласия с другом ночью урегулировал. Нет. Впрочем, современная гибкая вера более убедительна.

Жора не спасовал, постращав его:

– Пожалеешь, Тарас. Ой, как пожалеешь. Я ведь серьёзно.

– Не зли меня, Жора, – спокойно ответил Тарас, – похоже ты комедию ломаешь.

– Тарас, подожди, всё интересное только начинается, – сказал Андрей Философ пытаясь прояснить историю.

Жора не выдержал.

– Дай я расскажу. А то сейчас Семён вам расскажет.

Он сделал паузу, собираясь с мыслями. Подошёл к столу, взял у кого-то недопитый бокал с чаем. Выплеснул в обычную корзину с мусором. Ополоснул в кулере, снова выплеснул, после чего налил кипятка и сунул в бокал пакетик с чаем.

– Так-то он рассказал верно, но к делу моему это не относится.

– Времени нет, Жор, – торопил Андрей Философ. – Ты человек скорый, быстрый, моментальный. Давай по-существу да разойдёмся.

Жора сбивчиво расставлял точки над *i*, как ему казалось.

– После всего Семён предложил мне стать директором. Открыл фирму. Назначил меня. Я согласился. Но я же за просто так не буду работать. Вот договорились, что он будет платить десять тысяч.

– Семён, это правда? – Андрей обратился к нему.

– Правда. Суд же впереди. Иначе нельзя.

– А деньги? Деньги за что?! – удивился Андрей.

– Он же гол, как сокол, ребёнка нечем кормить. Да беда навалилась: тогда он в казино сильно проигрался. Я решил, с меня не убудет. Подкину. Кто в церковь несёт, кто в детский дом. Разве мало способов десятину свою отдавать. Благое дело. А здесь особенно: с детства знакомы. Вдвойне приятно. Ну подкидывал ему.

Андрей остолбенел на миг, потом сказал с сожаленьем:

– Память – вещь коварная, потому что у дружбы руки короткие. И что, Жора, договорились? В чём хоть работа заключалась твоя? – он обратился к Жоре.

– От работы кони дохнут, – важно произнёс Жора, – а я директор, лицо компании. Встретиться с кем. Обсудить. Право подписи я Семёну отдал. Всё равно ничего в бумагах и цифрах не понимаю.

Андрей пристально разглядывал собеседника.

– Ты хоть что-нибудь делал? На работу, сюда, в офис, приезжал? За прошедший год я тебя здесь встретил один раз, когда ты машину свою разбил и помогал командирским голосом с эвакуатора её сгружать. Скорее, мужика-водителя пугал и страшал, чтобы меньше денег ему заплатить. А больше я тебя здесь не видел. Потом не знали, что с машиной делать: людям парковаться мешала, глаза мозолила. Вот и всё, что помню. Про аварию тоже слышал, но не так подробно.

Оставаясь на своей волне, Жора навязывал фантазии, в которые он верил:

– Ещё договорённость о том, – он взял листок со стола, тот самый, который разглядывали, – что за каждого поставщика, привлечённого в компанию, мне полагается двадцать тысяч рублей.

Помолчал и заключил:

– Вот так и набежало, – для убедительности потряс листком.

Андрей Философ снова с интересом взял у него листок и стал вдумываться в писанину.

– Десять тысяч зарплата, правильно? – обстоятельно расспрашивал он его.

– Да.

– За двенадцать месяцев, так?

– Верно, – тот согласился.

– За пять не уплачено, – и, не дожидаясь ответа, добавил: – Похоже, что так. А почему сразу не сказал, когда не уплатили? Зачем ждал? И работать ты не работал, а так – числился.

Он уставился на Жору.

– Мне без разницы. Хочет человек платить за то, чтобы я числился, пусть платит. Не насильно же его заставляют. Это его собственное желание. У человека есть деньги. Я не против денег, если они идут мне. Возражать не буду. Меня всё устраивает. Дальше слушай.

– А это что? – перебил Жору снова Андрей. – «Ваня – жёлтая куртка, – он процитировал написанное. – Примерно середина мая. Кажется, нормально. Так и написать: „кажется, Олег – с лодочной станции. Через два дня после Вани“». Это что?

– За каждого из них двадцать тысяч, – моментально вставил Жора, —Согласен на десять.

Андрей Философ обернулся к Семёну Светлову:

– Сень, тут такие кренделя, что зубы обломаешь. Так закручено. Нога Остапа Бендера здесь не ступала.

– Не усложняй, Андрюх. Всё гораздо проще, – попытался сгладить возмущение Андрея Жора.

Но тот его не слушал.

– Я вижу, но всё равно плохо понимаю. Можно сказать, есть соображения, – посмотрел пристально и недружелюбно на Семёна Светлова. – В этой истории есть человек: видимо – честный и порядочный, а невидимо – мерзавец.

Тон был грубый, презрительный. Комната наполнилась напряжением, стало душно, сигаретный дым уже с пылью поднимался в лучах солнца.

– А жёлтая куртка, лодочная станция, и очень интересный типаж, кажется, Гена, в бейсболке, без передних зубов? Так и написано: «кажется, Гена». Что за пассажиры-попутчики?

– Поставщики, – не сдавался Жора.

Не выдержав и перебив, Семён спросил:

– Это за них ты денег хочешь?

– Как договаривались, – в надежде выговорил тот.

– Бомжи. Ты нашёл их, этих людей, на улице и привёл. Они толком не могли сказать, чего им нужно. Называли несуществующие цены, не видели разницы между нержавеющей и алюминием, крышу ржавого «Запорожца» называли листовым железом. Эти обиженные на жизнь субъекты и есть те самые поставщики, за которых у тебя хватает наглости просить деньги? Нет, это уже чересчур. Они предлагали купить за четыре тысячи то, что стоит восемьсот рублей.

– Так что? Тебе одному зарабатывать? – сопротивлялся Жора. – Я же не виноват, что ты не согласился на их условия. Твоя жадность и самодурство помешали провести сделки. Здесь нет моей вины. По нашей договорённости ты мне должен деньги. Если бы ты знал, сколько трудов стоило найти их, договориться с ними, чтобы они приехали на переговоры с тобой. Многие вокруг, Семён, считают тебя предсказуемым человеком. Ты с ними не соглашался, сейчас – со мной. Потому мне пришлось прихватить вещи. Больше никак тебя не пронять. Богатых и жадных, чем можно пронять. Взять у них, присвоить, а потом выяснять, имея на руках козыри.

– Сомневаюсь, – засмеялся Андрей Философ. – Только разозлишь. Пронять их можно только угождая, задабривая и соглашаясь. А вот если хочешь, чтобы долго помнили, не забывали, попроси займы, причини ущерб либо после совместного предприятия не предлагай принять участия

в распределении прибыли.

Он посмотрел Жоре в лицо.

– Скажу: ты не такой глупый, каким кажешься.

– Разве я говорил, что я глупый? – съязвил довольный Жора.

– Страшный человек ты!

– И я о том. Просто так не оставлю. С живого не слезу.

Андрей наплевательски перебил его, рассчитывая, что тот поймёт иронию, но не тут то было. Взбесившись, сказал всё же спокойно:

– Я не о том. Телеграфный столб лбом не напугаешь даже с разбега. Чудак счастливый, не понимаешь, что детей бить нельзя, а то привыкнут. А потом окружающие недоумевают, почему взрослый человек капризничает, настаивает на глупости. А всё потому, что детей бить нельзя. Они вырастут – и без этого уже не смогут. Часто подобный аргумент приводит в сознание, являясь убедительным доводом в сложившемся споре.

Андрей Философ встал, расправил плечи, переминаясь. К нему обратился Семён Светлов, дополняя, сказанное Андреем:

– Битая машина, которую ты вспомнил, мёртвый груз пристаивавший около офиса, числилась за фирмой. Я отдал её Жоре. Пользуйся как своей на здоровье и во благо. Через две недели он её разбил. Ремонтировать отказался. Просил выкупить за двадцатку, аргументируя тем, что в таком состоя-

нии она больше не стоит. Через пять месяцев я не выдержал. Решил сам продать. Приехали и забрали за сто десять тысяч. Самовывозом.

Он повернулся к Жоре:

– Ты людей за дураков считаешь?

Собираясь уходить Андрей Философ в сердцах негромко проговорил:

– Не надо, – и, подумав добавил: – Всё ясно. Пойду. Ехать надо. Через пару часов мимо буду проезжать, забегу. Кого не увижу, тем пока.

Расстроенный Жора терял оптимизм. И с досадой окликнул Андрея:

– Ты уезжаешь?

– Да.

– Ты скажи, как считаешь в данной ситуации.

В голосе его слышалась надежда. Но только на что?

– Всё очень просто. Если ты своё поведение считаешь правильным, оставаясь его другом, – он показал на Семёна Светлова, – то, вероятно, ты перешагнул грань, после которой дружба теряет свой смысл. Друзья – это когда смотришь вперёд и избегаешь серьёзных спорных моментов. Предусматривая интересы товарища, ты не теряешь надежды на ответное расположение.

Андрей внимательно посмотрел на Жору, как на использованный материал.

– У меня с Семёном хорошие отношения. У тебя с ним

такие же. Были. Я не стал бы с тобой разговаривать. Хочу сказать, что я тебя не знал. А теперь и знать не хочу. Когда человек крадёт, он рискует быть пойманным и наказанным. По закону. Там одно: тюрьма или штраф. Или не знаю, что там ещё бывает. Быть пойманным хозяином вещи – совсем другое. Могут побить, а могут и очень сильно измордовать. Можно отделаться просто разговором. Всё зависит от обстоятельств. Интересно, что в случае удачного исхода для злоумышленника он победитель. А ты чем рисковал, придя ночью сюда? В твоём случае гораздо очевидней умысел. Твои ценности и взгляды на жизнь так просто наружу выплыли. Если ты осознанно пошёл на этот шаг, значит, ты решил проверить прочность и настоящесть людей. Ты её проверил. Тебе удалось. До встречи.

Жора поник, дослушав до конца.

Уходя, Андрей Философ остановился около двери. Оглянулся. Жора на него не смотрел. Андрей Философ с силой бросил свою сумку плашмя на паркетный пол. Кто видел – удивились непонятной выходке. Для тех, кто не видел, это стало неожиданностью, и они вздрогнули. Жора быстро присел, прикрыл голову руками, словно испугавшись. Через мгновение он бросился к двери, но через метр остановился увидев, что ему ничего не угрожает.

Андрей Философ спокойно, не глядя, будто уронил случайно, поднял свою сумку и стал отряхивать её, не обращая ни на кого внимания.

– В умывальнике ототру. Попачкаюсь только.

И пошёл восвояси. На первом этаже приостановился. Сверху доносились крики.

– Ой-ой, за что, братцы? Убьёте же, вы что?

Тишина.

Потом отчётливый голос Жоры прорезался вновь:

– Я так не оставлю, вы оборзели.

Снова послышались шорохи и тычки, затем – истошные вопли Жоры, скорее надуманные, чем по какой-то причине, чтобы привлечь хоть чьё-то внимание.

– Я сегодня же вам припомню.

Раздался звук то ли щелчка, то ли шлепка, после чего наступило затишье. Вдруг заиграла музыка: МТВ или другой канал по телевизору. Громкость увеличивалась. Её регулировали, подыскивая подходящий уровень.

Глава VII

Во второй половине дня Андрей Философ вернулся в офис. Он поднялся в кабинет. За своим столом сидел Семён Светлов. Ни слова не говоря, Андрей налил себе чая и сел за ближний к нему стол.

Семён Светлов прервал молчание:

– Мразь. Таких поискать ещё надо.

– Вопрос, как рядом оказался! – отозвался друг, словно не обращая внимания на его слова. Сделал глоток и принялся с искренним любопытством разглядывать чашку.

– Сущность разве можно сразу понять, – уже сдержанней выразил сожаление Семён.

– Наверно, можно. Если слушать себя, свой внутренний голос, то почему нельзя, – рассуждал Андрей. – Сейчас люди руководствуются иными принципами – он смолк, про себя давая жизнь своим мыслям и сравнениям. – Три водоёма. Болото, океан и озеро. Болото сразу вызывает отвращение. Океан... Окинешь его взглядом, постоишь, оценишь силы. Взвесишь: надо тебе или не надо. Зайдёшь в воду, а волна тебя сносит. Выбор наступил. Рассчитываешь только на себя. Кто решился, у них-то и получится поплыть. Сил нет – не полезешь, уверенности нет – вызов не бросишь. А вот озеро – самое то, нечто среднее, внутреннее спокойствие. Душа не клоочет. Стихия как явление невозможна, предсказуе-

мая вода от берега до берега. А с человеком, с отношением к нему – разве не так? Если некто просит займы и регулярно отдаёт, вовсе не значит, что его можно в постель с собственной женой уложить, надеяться, что он паинька или импотент. Почему-то люди не допускают этого. Здравому смысла хватает сомневаться в его порядочности.

– В моём случае проще. Разве об этом думаешь? Нельзя же думать о ком-то плохо беспричинно.

Андрей Философ перешёл на медленный тон:

– Я вот что думаю. Когда человек что-нибудь произносит вслух, он совсем не то имеет в виду, что говорит, а там, в глубине слов, примешан свой интерес, и своя позиция, даже шаг к отступлению на всякий случай, чтобы сказать: а я не о том говорил о чём ты подумал. И начинается новая версия. Что Жора?

– Избили. Всё вернул. При условии, – Семён вздохнул, – что считает себя правым.

Андрей подхватил:

– А по-другому нельзя. Он для того и начинал игру.

– Думаешь, изначально им так всё и планировалось? – Семён заинтересовался мнением товарища.

– Даже думать не хочу. На многих посмотреть, так у всех по прошествии лет образуется круг знакомых и близких. И круг со временем расширяется. А у него? Ты решил собою возместить этот пробел. Вспомнил, что столько лет знакомы. Что, его душа отзовётся на твой порыв? Нет, Сень, мир без-

жалостен! Ты дал слабину. Проницательность – редкое качество. Чаще можно встретить благодарных людей. А люди ошибочно принимают благодарность за проницательность. Чушь.

Раздалась трель мобильного телефона Семёна, прерывая разговор, как петушиное кукареку в знойный день на тихом хуторе.

– Да, слушаю. Привет-привет, Денис, – он приложил руку к груди извиняющимся жестом и показал Андрею: два слова. – Мениск достал, не мог бы почистить? Да хоть сейчас! Ладно, в понедельник, к восьми утра. Всё, спасибо, до встречи.

Он положил телефон. Откинулся в кресле, расслабился.

– Извини. Наконец-то. Колено достало. Чуть что, при игре в волейбол, в футбол оступлюсь, недели на две из строя выхожу, – он постукал с обидой по ноге. – Времени нет. Понимаешь, а всё равно на свои болячки сквозь пальцы смотришь. Так устроено большинство людей. Двадцать лет покоя не даёт. А в больницу только сейчас собираюсь, и то случайно. Смотри, символично как. В армии служил вместе с Денисом. Там первый раз у меня колено и защемило. А теперь он мне его и поправит.

– А я бы сразу. Болячки, они выплывают в самый неподходящий момент, – Андрей взглянул на Семёна пристально и, сменив интонацию, спросил: – Как на личном фронте? Скандалы?

– Нет, рассосалось, – равнодушно ответил Семён, словно об ушедшем вчерашнем дне. – Из дома ушёл как бы, – нехотя выдавил он ироничную улыбку, – от большой Машки. По вечерам езжу домой. С детьми, с женой нахожусь до семи, до восьми вечера. Потом еду к Маньке маленькой. Так каждый день. Вроде нормализовалось. Все смирились. А ты что думаешь?

– Я за семью. Встречаться, гулять, изменять – думаю, безнравственно.

Он умышленно отстранился от чёткой формулировки, чтобы не обидеть друга, если ответ придётся ему не по душе. В кабинете, где и так было тихо, воцарилось молчание.

Безмолвие искусственно затянулось.

– Тебе легко говорить, – наконец выдавил из себя задетый нравственным уколом Семён, – ты не оброс достатком. Хотя может, деньги для тебя другую ценность представляют. А может, – он ещё поразмышлял, – раньше нагулялся, когда мы были молодые. Впрочем, сложно предположить, откуда в нас берётся то или иное убеждение. В тебе, несмотря на серьёзность, присутствуют пыл, азарт, страсть, но опять же – непорочная. Мне, по крайней мере, так видится. Скажи, как можно сочетать непринуждённость и лёгкость, словно ты в детстве задержался? Как бы выразиться точнее, доступней, грамотней? С силой твоих убеждений, с жизненной твёрдостью, что ли! Так, к-кажется?

Он выдержал паузу, отстранился, как будто и не собирал-

ся говорить дальше.

– Люблю с тобой беседу держать, – его глаза радостно сверкнули. – Я даже умней становлюсь в собственных глазах. А ты на моём месте как бы поступил?

Андрей Философ пропустил мимо ушей фразу о достоинстве совместной беседы.

– Почему легко? Нелегко. Вся простота в сложности. Избегая или предугадывая непростой момент, лавируешь, как лиса. А достаток, как ты сейчас заметил, в этой самой форме, получается, развращает сознание. Возьми, например, любовницу, которой ты помогаешь. Или Жору-засранца. Не будь твоего достатка, твоя помощь не извратила бы этих людей. Считай, что твой достаток мешает им жить. Потому лишь, что в детстве их, да и многих из нас, не учили, как следует вести себя при условии, что у человека как у гражданина, как у члена общества, есть деньги, достаток.

– Не уходи от ответа. Ты бы как поступил?

Андрей всё понял и опередил мысль друга:

– Ты всю жизнь только и воспитывал свою порядочность. Влюбился. А теперь мечешься. Ты продолжаешь к тому же, очень сильно любить некую порядочность в себе. Крестьяне без достатка, людишки вокруг называют это совестью.

Но Семён настойчиво впился в него и не уступал:

– Ты бы как поступил?

Андрею не нравился прямой и открытый разговор. Он говорил не то, что хотел услышать друг.

– Советы, советы. Я вот на тебя смотрю и думаю, чем всё это закончится. Тебя ведёт твоя неординарность. Она же примет за тебя решение, когда зайдёшь в тупик.

Семён перебил:

– Не хочешь говорить!

– Почему не хочу? Ты хочешь услышать? – он взглянул на него тяжёлым, как будто скопировал с известной картины молниеносный взгляд Ивана Грозного. – Если хочешь услышать, пожалуйста. Слушай моралиста. Что ещё я могу сказать, в защиту общепринятых ценностей. Семья превыше всего. Всё остальное за бортом. У тебя же полноценная семья!

– Нет. Про мораль не хочу. По-человечески скажи.

Андрей тут же неожиданно остыл:

– Так. Да, конечно, сложнее.

Он принялся разглядывать картину на стене: парусник в борьбе с громадной волной, с издалека, вдоль горизонта, пробивающимся лучом. То ли солнце, то ли береговой маяк. Написанная яркими вызывающими красками, она возбуждала интерес лишь неестественностью цветов и странным видением автора. Искусственный тайм-аут мерно уложился между вопросом и ответом, как трафарет, наложенный на оригинал.

– Влюбиться в женщину, помимо жены, ужасно. Пока жена не знает, терпимо. Топтать святое каждый раз, когда влюбишься, – невтерпёж. Знаешь, личность она ведь в постоян-

стве. Если твоё постоянство – менять женщин на стороне, тогда не позволяй вмешиваться им в ту жизнь, где у тебя дети, жена, семья. Не давай собой управлять. Чья сила – и в чьей слабости?

Понимая сказанное Андреем как-то по-своему, особо, Семён Светлов согласился:

– Маленькая Маша всё понимает. Потому не хочет меня с семьёй разлучать. Даёт возможность и там быть. «Нет, – говорит, – ты не должен уходить от жены, от детей». Сильно меня любит. Понимает мою проблему.

Андрей скептически заметил:

– Со стороны это самое видится, твоей жене, например, так как будто она противопоставляет себя ей. Доказывает, что и она что-то значит. Раз ты всё-таки поддался. Ты же потакаешь её желанию. В ущерб жене, матери твоих детей. В этой ситуации, что у тебя я всецело на стороне твоей жены. Ты мой друг, потому я молчу. На одной чаше весов – порядочность тире совесть, на другой – любовь с её возвышенной песней, начало которой в твоём достатке, в похотливой струнке твоей сущности, безбожности, но... Ты не мусульманин. Там, напротив, ты являл бы собой почтенного господина.

Семён критически возразил:

– Недолюбливаешь маленькую Машку? Она тоже сразу внутренне поняла твою идейность. В этом она схожа с тобой. Любая её идея проходит обязательно через наши с тобой от-

ношения. Как-то она даже сказала: «Будь поменьше таких, как ты, мир принадлежал бы таким, как она». Я ей раз и навсегда, пять лет назад, запретил хоть каким-то образом пытаться влиять на нашу дружбу. Она тебя боится после этого. Всякий раз, когда она видит тебя, её выворачивает наизнанку. Я вижу, слышу в её интонации, чувствую её ложь при тебе. Но кто из вас лакмусовая бумажка, не пойму.

– Она правильно боится, – безмятежно заключил Андрей, – не хочет, чтобы её вывели на чистую воду. Ты скажи ей, пусть не боится меня. Я ей плохого не желаю. Она сама всё испортит, – пространно предсказал друг.

– Оставь её. Я всё понял. Представь! С этой минуты ты на моём месте. Ты ушёл бы из семьи или нет?

Андрей крепко призадумался, мысленно представляя запрошаемое действие.

– Ты ей не веришь. Иначе бросил бы семью. Оправдываешься сам перед собой навязанной себе порядочностью. Тебе предстоит мучиться и мучить других. Зачем? Раз выбрал такой путь – мучайся. Мучайся. Наверно твой статус мужчины от того выше. Мучайся-мучайся. Других мучай.

Семён показал рукой на дверь.

– Тише. Может, слушает.

Андрей согласился:

– Что-то понесло. Забыл, что Майка там. А ведь слушает!

Поднял указательный палец вверх и мягким баритоном иронично продекламировал:

– Точно слушает. Глубокие вещи обсуждаем, – и нормальным голосом сказал: – А ты не думал, что и я нахожусь в решение и внутренней борьбе? Что у меня вертится – похлеще твоего. Но я понимаю, что лучше женщину вряд ли найду, а приобрести то же самое ценой предательства и жертвоприношения, – он многозначительно из стороны в сторону покачал головой, – нужен смысл, а его нет, – и, со всей серьёзностью кидая последний штрих к своей мысли, добавил: – Его, смысл, нужно выдумать.

Семён Светлов поймал суть, словно голыми руками рыбу в прозрачной воде.

– У тебя? – он крайне удивился. – Жёстко. Ты, – он уставился на друга, – учишься у меня, – он искренне смеялся. – Нет, Андрюх! Я ещё, ещё раз повторяю: надо тебя копировать. В этом случае можно избежать лишних издержек.

Он встал и хромая подошёл к окну. Присел на подоконник. Свесил больную ногу и, поглаживая, обратился к ней:

– Тебя в понедельник отремонтируют.

Уставший сидеть за столом Андрей спросил:

– Разъезжаемся? Целый день пробежал. Так мало успели. Покатили, что ли? Всегда есть места, где в нас нуждаются чуточку больше. Он улыбнулся загадочно и соорил хитрую гримасу.

– Я Маньку дождусь. Должна на минуту заглянуть. Да ещё люди должны заехать. В принципе, тебя надо попросить по-присутствовать. Светка приедет с мужем. Она не хочет при

посторонних разговаривать. Непонятно, почему. Особенно при тебе. Хочет со мной посеCRETничать, а берёт мужа, – озадачился Семён, – говорит, разговор деловой и мне выгодно.

Светка Цезари – утончённая и умная женщина, брюнетка с короткой чёлкой, некогда любовница Семёна. Она была без ума от него. Вообще-то в прошлом проститутка. Познакомившись с Семёном, с его помощью изменила образ жизни. Сейчас имела двух детей. Поговаривали, что один из них от Семёна. Но злые языки утверждали, что оба.

– До встречи. Позвони в понедельник после больницы.

Андрей вышел из кабинета.

«Как в душегубке», – подумал он.

Глава VIII

В кабинет зашли муж с женой: Саша и Света. Саша, несмотря на презентабельный вид, услужливость и показное благородство, выдавал в себе человека ведомого. Здесь – женщиной. Обычно такие люди, дойдя до определённой грани, будь то недостаток или положение, предают всех вокруг себя. Особенно достаётся самым близким. Да ещё, когда надо и не надо некстати любят вставлять, что сделали себя сами. Чужое мнение, если оппонент не на более высоком уровне, для них ничтожно и пусто.

Семён Светлов приветливо начал разговор, разглядывая по-новому зачёсанные и прилизанные с помощью дешёвого геля Сашины волосы. Он угадал, ему что-то подсказало, что дешёвого. Был бы стоящий – он не заметил бы. Не знающие хорошего, не видят разницу с плохим.

Света жизнерадостно делилась своими соображениями:

– Семён, дело выгорает. Не мог бы нам помочь?

– Чем? – он, зная Светку, деловито пошутил: – Всё зависит от полноты предлагаемой мне выгоды.

Семён, вполне доверяя ей, заглотил наживку, как сытый карп, который ухватил тучный бойл.

Светка хладнокровно разбрасывала прикормку:

– Нашли, кто нам кредит даст. Появилась возможность расширяться, несколько аптек превратить в целую сеть. Ты

выступишь поручителем в банке, под залог своего имущества – например, здания. Мы берём деньги, продолжаем развивать бизнес, как положено, платим.

Не придавая значения её словам, Семён Светлов играл, как кошка с мышкой, и шутил:

– Я лишь нужен как поручитель, правильно? Сколько мне предлагаете за мою веру в вас? Верно я понял?

– Как обычно, – согласилась Света, – лучше, чем ты, меня никто не понимал.

Она взглянула на мужа. Нужды пояснять не возникало. Посмотрев на Семёна, приподняла брови: «мол так надо».

– Начну со ста тысяч зелёных.

– Отлично. Без торга. Мне эти деньги кстати. Все наличные, какие есть, сгребаю – сделка века. Весь лом с области скупаю и немцам. Контракт подписал. Не верится. Дело моей жизни в этой сделке. А может, только начало нового этапа. Если на бирже удержится цена, пока скупаю, железо чуть не в золото превратится. Договорились. В понедельник после больницы – в банк. Юриста с утра пришлю с документами.

В подтверждение слов, что сделка совершилась, он громко хлопнул папкой.

Глава IX

Тёплый ветерок задувал в открытое окно. Не сговорившись с застеклённым проёмом, не найдя простора, он откатил, словно облизываясь, по подоконнику вниз, к земле.

Вечером в совместной квартире Семёна и любовницы Маши она докучно просила рассказать во всех подробностях о разговоре, состоявшемся днём. Страстно вникая в детали, торопилась внести свои поправки.

Мужчины обычно не любят, когда женщины вмешиваются. Неуместный вопрос или замечание, по мнению женщины, всегда разоблачает мотивы человека. А это чистой воды самолюбование узостью мышления. Этим женщина только злит оппонента. Ей всегда кажется, что мотивом поступка мужчины является непременно она. А завершиться что бы то ни было обязательно должно в её пользу и для её благополучию, даже если она к этому не имела буквально никакого отношения.

Как настоящая женщина, Маша, по молодости лет, во всём происходящем видела себя.

– Как на работе? С Жорой разобрались?

– Да, он всё вернул. Непутёвый человек оказался. Растоптал бы.

Семён курил и смотрел куда-то в потолок. Верно, представил себя в действии: Вот он топчет, кругом пыль. Он втап-

тывает с силой, до боли в ногах... А что он втоптывает? Ах да, он представил змею, она извивалась меж ног. Он наступал на неё, давил, а ей хоть бы хны. Ей ничего не делалось. «Вот зараза», – окрестил он её. А ведь это он. Он.

– А что, твой Андрей Философ не мог тебе это устроить? Ты на него надежды возлагаешь, а он не оправдал их опять. Я считаю и всегда говорю только об этом: его надо исключить из своего круга. Ты же, наоборот, приглашаешь его повсюду, при первой возможности спешишь поделиться, посоветоваться с ним, а ведь, если правде в глаза взглянуть, то я самый первый и самый последний друг. Кто ещё тебе нужен? Я люблю тебя – этим всё сказано. Больше того, именно я заинтересован в том, чтобы у тебя всё хорошо было. А эти люди, они тебе завидуют и ждут, когда споткнёшься. Тарас – финансист отличный, а смотри, как часто со мной спорит, а я твой бухгалтер. Его надо осаживать почаще. Твой брат – порядочная скотина, денегат просто ему подкидывай, он тебе расскажет, кто что замышляет в компании. Свой человек в стане врагов.

Семён перебил Машу со знанием дела:

– Я лучше везде ввёл бы в курс Андрюху. Знаю его давно. И вместо того, чтобы замышлять что-то, люди бы честней работали.

Она испуганно возразила:

– Да ты совсем свихнулся. Он подговорит всех. Ни в коем случае. Держись от него подальше. Лишнего слова не гово-

ри. Его по глазам определить можно. Злой он. Глаза злые. И говорит со злостью. С иронией. Словно смеётся над всеми.

– Нет. Он за иронией прячется. Ирония – маска искренних и порядочных людей.

Она не слушала и быстро доносила свои соображения.

– Чувствую я, что-то он готовит против тебя. Всё равно он себя проявит. Был бы другом – Жору побил, забрал вещи, и дело с концом.

– Молчи. Решили раз и навсегда. О нём плохо не говорим. Как бы он не выглядел, подлецом он не был никогда. Предателем тоже. В офисе он поступил красиво. Я тоже хорош. Ни для кого ни секрет: Андрюху подвинул ради Жоры. Жору ввёл в дела компании. Только ему неинтересно было. Кстати, ты и посоветовала приблизить Жору вместо Андрея. Кстати, он меня осуждает, что я с женой так обхожусь.

Маша подковырнула:

– У него случайно с этой старухой ничего нет? Ты покопайся.

И без того бледное лицо Семёна побледнело ещё больше.

– Замолчи.

– Ну ты что, зай, – умильно гримасничая, затянула певучим голоском. – Давай о другом. Разволновался? Я же о тебе пекусь. А Жору посоветовала с твоих слов. Ты его пожалел. Ты добрый. Я тебе подыграла. Ласковый мой, давай погрей меня. Подыши на меня, как ты умеешь.

Глава X

Семён открыл глаза. Состояние невесомости прервалось.

«Странно! Почему есть ощущение, что летишь, а может, зависаешь? Рассматриваешь ноги, которые уходят из-под тебя выше и выше, и нисколько не страшно? Будто поскальзываешься и ждёшь, замороженный, затаив дыхание, когда упадёшь, но этого не происходит».

Всякий раз он ловил это ощущение, но оно было нечастым. Он всегда старался контролировать каждый миг, каждое мгновение, но в тот самый момент, когда ему казалось, что вот сейчас он его запомнит, во всех деталях и мелочах, оно странным образом исчезало. Чем отчётливей он осознавал это, тем неожиданней оно ускользало. Уже потом, перебирая во всех подробностях ход своих мыслей, он не мог понять, как он уклонился от запоминания ощущения. Он объяснял себе, что неведомое воздействие увело его в параллельный мир, откуда он и мог видеть и чувствовать всё, словно со стороны, что с ним произошло.

– Поужинаем?

Он очнулся, покрутил глазами: «Сон не сон, провал в небытие, а глаза открыл – тут же всё исчезло».

– В понедельник Денис обещал меня починить. Послушай, на следующей недели в деревню на выходные детей повезу. Тебе придётся потерпеть и провести выходные без

меня. К бане приучить маленького Даньку хочу. Дочь хоть взрослая, но тоже к деревне привлечь надо. Своим примером. Так пройдёт десятилетие – от деревень не останется и следа. Слава предков в нас самих.

– Заныл старую песню. Меня одну оставить хочешь? Я насытиться тобой не могу. Даже когда с тобой рядом слышу такие слова, уже скучать начинаю. Мне грустно от того, как я одинока.

Мечтательно запрокинув голову, она добавила:

– А давай дом построй. Большой. Недалеко от города. Или в городе. Рядом с парком, чтобы с своим отпрыском гулять уходил ненадолго. Мне же не нравится одной оставаться.

Мягко улыбаясь, он прикоснулся к ней рукой.

– Дом – идея хорошая.

Скользнул быстро ладонью верх-вниз, резко остановил руку.

– Подумать можно. Ближе к старости.

Маша вздрогнула, грудь нелепо колыхнулась.

– Какая старость? Сейчас! Я вот как мечтаю: дом на две половины. В одной мы с тобой. А в другой – жена с детьми.

Семён посмотрел на неё внимательно. Она увлечённо продолжала:

– Жене твоей – раздолье. Появится возможность пищу готовить для тебя. Мне легче. Посуду намочит – она же привыкла. Стирать нам будет. Гладить. А что ей делать? Она привыкла не работать. Хоть польза от неё какая-то будет. Мы

как бы её наймём за твоими детьми ухаживать. Дети всегда смогут тебя видеть. Ты к ним будешь заглядывать, когда вздумается.

Семён вникнул и ответил:

– Думаю, ей неприятно будет в таком положении.

На что Маша скороговоркой выпалила, словно только и ждала удобного случая:

– Женщина-старуха должна принимать с радостью все предложения от мужчины. А кому она нужна с двумя детьми? Ей за счастье такое. Моя доброта и отзывчивость находят ей место – рядом с нами.

Глава XI

Андрей Философ за рулём автомобиля ехал по средней полосе, высматривая торопливых автомобилистов в зеркало заднего вида и тут же уступая им дорогу, посмеивался над гонщиками на «Жигулях»: «Почему самые отъявленные гонщики на „Жигулях“? Может, к тому времени, когда у них появятся машины более дорогие и мощные, с них спесь пройдёт? Как можно на „Жигулях“ седьмой или первой модели выделяться, чтобы тебя заметили? Да никак. Только разогнаться и выставить напоказ свою безбашенность».

Его размышления прервал телефонный звонок от их общего с Жорой Казино знакомого.

– Да, слушаю. Привет, Коль, – он усмехнулся, – Жору обидели? А где он? – Андрей посмотрел на указатели и дорожные знаки, чтобы совершить незапланированный манёвр. – Сейчас приеду. Минут через тридцать. Если бы со мной он обошёлся так, иначе как крысой я бы не назвал этого Жору. Следовательно, сам понимаешь. И говорить – только время тратить. У тех людей совсем другие принципы. Ладно, еду. Поговорим.

Прошло несколько минут. Снова звонок от того же человека. Андрей с любопытством посмотрел на экран мобильного. Телефон горланил.

– Да. Узнал, что еду, и тотчас исчез? – проговорил то же

самое, что услышал в трубку, Андрей. – Красавец. Поделом
ему. Ладно, не поеду. Обнимаю. До встречи.

Глава XII

Вечером после разговора в офисе с Жорой Казино приятели собрались в сауне. Отсутствовал только Семён Светлов.

Тарас поднял рюмку и предложил тост. Его невыразительное лицо без очков выглядело пустым и немым, точно рыба? брошенная на берег, ещё живая, но без права на жизнь. Только копна влажных волос вызывающе горела на голове.

– Выпьем. Выпьем за то, что вот так нечаянно мы вновь обрели свои вещи.

Эдик Светлов изобразил голосом весёленькую музычку, которую обычно исполняют при вручении наград.

– Мало мы ему. Будто понарошку. Да и хрен с ним. Давай за брата, за Семёна. Чтобы у него всё получилось. Похоже, идёт так, что получится. Человек всю жизнь оказывается в нужный момент в нужном месте.

Уже махнувший несколько рюмок и давший волю своему языку Тарас выдохнул фразу:

– Есть у него плохая черта. Но она же как бы и хорошая. Пиявок вокруг него много. И он всякий раз обнаруживает их, избавляется от них. При этом всегда материально страдает. Я разогнал бы всех к чёрту.

Рязанцев не согласился. Очень искренне веря в то, что говорит, правдивым тоном выдал:

– Это не пиявки.

Лицо его приобрело твёрдость. По всему было видно, что он не собирался спорить, а говорил как убеждённый в своей правоте человек:

– Они лекарство. Нездоровую кровь сосут. А ему только лучше. Оздоровливается с их помощью.

После этого он расслабился и пьяно склонил голову, потом на рюмку, вскинул голову и мотнул ею.

– Выпьем. За пиявок, – он выдержал паузу, вздохнул, выдохнул, – в здоровом теле.

Глава XIII

В понедельник Семён пунктуально, с вежливостью королей, переминался с больной ноги на здоровую у кабинета Дениса. Ещё не было восьми утра.

С Денисом, сослуживцем, их, восемнадцатилетних парней, свёл случай. Они оказались земляками. С тех пор они общались, и обстоятельства так, что дружеские отношения переплелись с деловыми.

Денис, переодетый в лазоревого цвета комбинезон, накинул поверх него халат. Он шёл, засунув руки в карманы. От этого халат обтянул поясицу, а спереди было, что он поигрывает пальцами.

– Рад видеть, – он обнял Семёна, – рад видеть.

Улыбка оголила зубы, не знавшие никотина, их естественный цвет и умные глаза вызывали симпатию.

Семён ответил взаимной улыбкой. Похрамывая он двинулся ему навстречу.

– Привет. Да уж радости мало. Больница не место для встреч. Я с детства их не терплю.

Денис махнул рукой.

– В нашем случае, надеемся, всё хорошо. Проходи. Мениск в таком возрасте уже покоя не даст, если вести активный образ жизни. А ты ведь, скажем, даже чересчур гипер-активный, – он похлопал друга по плечу.

– Нет, – настраивался на дружеский лад Семён, – я только стараюсь примерам следовать. А примеров вокруг довольно. Мне до здорового образа жизни так далеко.

Ему хотелось поскорее закончить и уехать отсюда. Денис почувствовал это и предложил:

– У меня операция назначена на половину девятого. Поторопимся.

Они ушли в операционную.

Через некоторое время неторопливыми шагами они вышли из операционной. Денис провожал Семёна.

– Спасибо, – благодарил его приятель, – удружил. Замучился я с ней, – он погрозил кулаком прооперированной ноге. – Денис, всё хорошо, пока. Дальше не провожай. Одежда врача стерильность любит, – предостерёг он, чтобы поскорее отделаться от него и остаться наедине со своими мыслями. – Двадцать минут всей работы. До встречи!

Глава XIV

Два дня спустя у себя дома на вечерней побывке Семён, полулежа на диване, поглаживал прооперированную ногу. Лёгкое нытьё в колене побудило взять телефон и позвонить Денису.

– Денис, привет. Болит. Да, сильно. Греть?

В трубке отчётливо был слышен слегка раздражённый голос Дениса:

– Спиртовыми компрессами грей. По-другому быть не должно, конечно, будет болеть. И должна болеть.

– Хорошо-хорошо, – согласился Семён, – никого не слушаю. Делаю, как ты велишь. Ну всё. На связи.

Он положил трубку и, отвергнув сомнения, окликнул:

– Маш.

По неизвестной причине злость едкой желчью охватила сознание. Он не понимал, то ли из-за боли, то ли злился на жену.

Жена подошла и, тонко чувствуя внутреннее недовольство мужа, вопросительно посмотрела на него.

– Делай повязку, – он не желал произносить лишних слов.

Его бесили понятливость и смиренность жены. Он посмотрел, как она вышла.

«Нормальный человек, порядочная женщина, заботливая мать, внешностью не обделена. Декабристка, одним словом.

Всё терпит и молчит. Молчание. Может, этим молчанием и бесит. Может, это молчание есть красноречивее самих слов».

Больше, чем её, он пожалел себя.

Ложный, неизвестного происхождения страх не давал ей покоя. Она мягко подошла к двери, остановилась перед ней и послушала на всякий случай, чтобы не помешать: не разговаривает ли муж по телефону. Её присутствие, она замечала не раз, смущало его, он сжимался и сковывался внутренне. Тихо подошла и склонилась к ноге, протягивая повязку, чтобы обмотать болевший сустав. Она ловила каждый его взгляд. Если он изменялся, значит, она сделала что-то не так. Глаза его стрельнули. «Чем же сейчас не угодила»? Она застыла.

Он обвёл её взглядом.

«Ничего нового! Подслушивала», – подумал он, – подслушивала за дверью. Знает ведь всё от начала до конца, а всё неймётся».

– Давай обвяжу.

Лилейный голосок жены подействовал, как чужак на дворовую собаку.

Семён сердито отнял её руку от ноги.

– Отойди, я сам.

Перематывая самостоятельно ногу, он поднял голову и зыркнул на неё:

– Что смотришь?

Она с виноватым видом вышла.

Глава XV

В деревне Семён любил бывать. Он взял за правило отключать мобильник и оставлять на пару дней суету там, за спиной, в городе. Не думать о ней, не вспоминать.

«К чёрту всё и всех», – охарактеризовал он своё отношение к душевному отдыху.

Близкие – какая-никакая жена, дети. Кто ещё мог быть ближе? На порог этой границы он никогда и никого не пускал.

«Надо – всё равно отыщут, через брата, через родителей. Найдут способ. А нет – значит и нужен».

Маленькая Маша пыталась ласкающими глазками и миленькими коготками сюда проникнуть, но он как отрезал. Место это, как оберег, на всякий случай держалось им вдали посторонних глаз. Здесь он даже сохранял видимость семейственности и порядочности перед лицом соседей. Здесь он дорожил нерушимой репутацией мягкого, заботливого мужа и безукоризненного главы семейства.

Мать жены стояла и переживала, глядя, как дочь перевязывает любимому зятю ногу. Любуясь покладистостью и умением дочери, мать нахваливала отвар из ромашки и мать-и-мачехи.

– Мне моя мать рецепты оставила. Мне бы записать, а я на память понадеялась. Чем пользовалась, то помню. Ох,

много наговаривала разного. Время от времени подумаешь, вроде всё помнишь. А как понадобится – хлоп, и вылетело из головы. А утруждаться шевелить в мозгах недосуг. Сколько советов полезных ушло безвозвратно.

Маша старательно бинтовала ногу и слушала мать.

– Хуже не будет. Трава – она и есть трава. Ей всегда как заживляющей и обезболивающей пользовались. А мать моя от бабушки вынесла. Хорошее народное средство. Примеров тому не счесть.

Семён терпеливо выносил наполненные любовью речи. Избрав манеру миролюбиво проводить выходные, он любезно гримасничал. За столько лет он привык. Сначала это было правдой, потом казалось, что это была правда, а сейчас он искусственно играл в правду, чем приносил жертву самого себя. Он честно оправдывал свою ложь перед окружающими. Он не мог разрушить сложившееся мнение, чтобы не расстроить их и не вызвать сожаление. Он не выказывал совсем обычной злости в ответ на чрезмерную ласковость жены, от чего по приезде его покорность сменялась бешенством. Он раздражался ещё сильнее и изо всех сил старался сохранить спокойствие.

Но когда нога успокаивалась, он становился весел и даже прощал жену за эти два дня хорошего расположения и бодрого настроения.

Глава XVI

В понедельник, беседуя с Денисом в фойе больницы, Семён делился своими соображениями.

Тот слушал внимательно, не перебивая, но тактично заметил:

– Семён, со всякими отварами, советами, народными средствами надо быть аккуратнее. Нельзя сказать утвердительно об отрицательном воздействии, но как врач убеждён: надо бежать прочь от лекарей и разных целителей.

Семён недоумённо спросил:

– Разве отвар может навредить?

Теперь Денис как врач сел на своего конька:

– Может, ещё как может. От заражения никто не застрахован. Берегись неквалифицированного вмешательства. Ничего нет хуже, чем потом ошибки исправлять. Не нам, успешным, прогрессирующим людям, старушечьими методами хворь от себя гнать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.